

АННА АЛЕКСАНДРОВА

АРКАН 22

Анна Александрова

АРКАН 22

ГЛАВА 1

РИТУАЛ

— SATOR AREPO TENET OPERA ROTAS!
SATOR AREPO TENET OPERA ROTAS! SATOR
AREPO TENET OPERA ROTAS!* — Раскатистый,
с мягкой хрипотцой голос разносился под сводами
полуразрушенной часовни.

Двадцать свечей в серебряных, украшенных
вензелями подсвечниках, расставленных попарно
на расстоянии пяти шагов друг от друга, создава-
ли коридор из желтого, мечущегося по каменным
стенам света. Свет этот выхватывал из тьмы под-
вешенные на медных нитях пластины — тонкие
металлические карточки размером с ладонь, на
которых были искусно выгравированы загадочные
фигуры. Пластины слегка покачивались на весу
в такт танцу огня, и золотое тиснение рассыпало

* Палиндром, составленный из латинских слов и обычно помещенный в квадрат таким образом, что слова читаются одинаково справа налево, слева направо, сверху вниз и снизу вверх. Палиндром часто ассоциировался с ранними христианами и использовался как талисман либо заклинание.

блики в ночной темноте. Двадцать гравюр, развешанных попарно, как и свечи, лицом друг к другу, по десять с каждой стороны. Еще две — в начале и конце коридора — замыкали периметр.

— SATOR AREPO TENET OPERA ROTAS! — хрипел голос уже с нотками отчаяния. — SATOR AREPO... Не сработало! Опять не сработало...

Человек в красной мантии стоял в начале коридора из свечей и пластин. Он с раздражением сорвал с нити ближайшую к себе гравюру, вгляделся в нее. Золотой отсвет отразился в его черных глазах, и на мгновение показалось ему, что изображенная на желтом металле фигура ожила. Дрогнула красным отблеском плащ, прищурился выгравированный глаз, персонаж на пластине едва заметно кивнул. Человек даже дышать перестал, так и стоял, пожирая глазами золотую поверхность. Но ни движения больше, ни огненного всполоха. Показалось? Не-е-е-ет. Нет!

Он скинул накидку, затушив попутно часть свечей. Поднял с каменного пола большой электрический фонарь, включил, осветив руины и клубы вековой пыли. Прошел к дальней стене, где на прогнивших досках аналой* лежала книга. Нет, не Библия. Древняя Книга магов. Пожухшие пергаментные страницы были раскрыты посредине, рукописный текст на древнем языке чернел завитка-

* Аналой — высокий столик с покатым верхом, на который в храме кладутся богослужебные книги и иконы.

ми замысловатого почерка. Человек вел пальцами по строкам, бормоча про себя непонятное:

— Ишкштар турум аргурум... оживут двадцать две фигуры... верита темо сторинум... произнесут они заклинание... ет операс леви... и откроют Врата... Откроют Врата!!!

Человек с силой сжал кулаки, ударил в гнев по сгнившим доскам аналая, проломил их и чуть не уронил книгу. Но опомнился мгновенно, подхватил древний манускрипт, прижал к груди. Поднял взгляд на затертые временем стены. На обитой кирпичной кладке сохранились местами церковные росписи: тут рука в двоеперстии, там глаза, здесь кусочек одеяния... красного. В православии этот цвет — символ жертвенности.

Человек вернулся к конструкции из свечей и пластин, поднял сброшенную красную мантию и пластину — ту, что сорвал ранее. Еще раз всмотрелся в изображенную на ней фигуру: маг с поднятой правой рукой, в руке жезл, с плеч стекает складками плащ. Перед магом — стол или алтарь, на котором в ряд лежат кубок, меч и монета.

— Пусть оживут фигуры... оживут... оживут фигуры, — бормотал человек. — Пусть оживут.

АРКАН 21. Мир. л (ТАУ)

Лада проснулась, улынулась сама себе, потянулась всем телом томно-сладко. За окном ее маленькой квартирки громко чирикали воробьи,

задавая радостный тон новому воскресному дню. Весна-а-а-а... Рыжий Маффин, Ладин кот, выловленный котенком из мусорного бака, прижался носом к стеклу и прерывисто подмявкивал воробьям. Лада соскочила с кровати, схватила кота в охапку, зацеловала в макушку, подмышку, в морду. Кот не сопротивлялся, а блаженно развалился на ее полных белых руках, покрытых такими же, как он, рыжими веснушками.

Длинные волосы цвета солнца рассыпались по округлым плечам, ниспадая пышными волнами аж до бедер. Лада пританцовывала, кружилась по комнате с котом, приветствуя этот мир и его дары в виде жизни, друзей, родителей, маленькой, но личной квартирке и, конечно, кота. Вообще-то такое поведение было вполне в духе Лады — просто радость на ровном месте: солнце светит — замечательно, птички чирикают — восхитительно. Танцевать в одном ритме с Богом — это то, что Лада умела с рождения.

Пока кот приходил в себя после утренних объятий, Лада приготовилась к новому дню: почистила зубы, заплела волосы в тугую косу, помолилась (привычка с детства), позавтракала и включила компьютер. Девушка училась на филологическом факультете Российского университета дружбы народов — РУДН*, изучала английский и французский языки. Подрабатывала переводами и репетиторством, дружила со

* РУДН находится в Москве, в нем учатся не только российские граждане, но и иностранцы.

студентами-иностранцами, обожала путешествия, а недавно познакомилась в Сети с парнем из Аргентины.

Ее Алехандро изучал русский, хорошо говорил на английском и был необычайно интересным собеседником. Он увидел ее в социальных сетях у кого-то из своих земляков-рудээнщиков, восхитился классической славянской красотой и написал первым. Слово за слово, комплимент глазам, волосам, улыбке, пара милых шуток на ломаном русском, и вот они уже друзья. С Ладой такое запросто. Но Алехандро интересовал ее чуточку сильнее остальных. То ли географической удаленностью (в Южной Америке она еще не бывала), то ли некоторой загадочностью: он мог внезапно прервать общение, не предлагал видеосессий, общался только текстовой перепиской или голосовыми.

Лада догадывалась, что Алехандро, прикрываясь фотографией рандомного аргентинского мачо, на самом деле стесняется своей внешности. Обычная история интернет-знакомств. Но, свободная от предрассудков и проповедующая бодипозитив в лучшем его смысле, Лада не велась на смазливость, скорее наоборот. Как говорится, лишь бы человек был хороший. А Алехандро был очень хорошим: запросто, без пафоса и насмешек говорил о Боге, о мироздании, помогал животным, много читал, особенно русских классиков. С ним было интересно... с ним было умиротворительно. А какой у него голос!!! Шуршащий и с забавным акцентом. Этот голос околдовывал,

убаюкивал, окутывал нежной вибрацией. Совсем как мурчание Маффина.

Компьютер проиграл приветственную мелодию и распахнул окна в мир. Вкладка чата с Александром хранила молчание. Последнее сообщение от нее ему висело неп прочитанным второй день. Так уже бывало. Он то появлялся, то пропадал на пару дней, наскоро объясняя это неотложными делами. Да, впрочем, Лада и не спрашивала объяснений. Они ведь просто онлайн-друзья.

Лада открыла файл с начатым переводом и погрузилась в работу. Текст был технический, скучный, и девушка поминутно отвлекалась то на кота, то на воробьев за окном, то на вкладку с чатом, проверяя, получил ли Александр позавчерашний привет. Когда она уже почти втянулась в процесс перевода, та самая вкладка бликнула коротко и замигала красным значком неп прочитанного сообщения. Лада сразу же переключилась на чат.

«Hi, beauty!* Как твои дела?» — радостно светился десятком смайлов новый месседж.

«Hi! МОИ дела хорошо. Как ТВОИ?» — ответила Лада, улыбаясь.

Александр предпочитал переписываться на русском, чтобы практиковать язык, и Ладу умиляли его грамматические ошибки. Она мягко поправляла его, за что тот был ей всегда благодарен.

«Сюрприз есть. Та-да-да-дам! Я в Москва».

* Привет, красотка! (англ.)

«Ого».

«Ага». — И снова рота смайликов.

«Ты не говорил, что собираешься!»

«Сюрприз! Хочу тебя видеть. Только ты не сильно удивляться, когда видеть меня».

«А я догадываюсь чему». — Теперь Лада употребила подмигивающий эмодзи.

«О нет! Меня раскрыли! Я придется тебя убить».

«I guess, I'll die another day»*.

«Люблю эта песня тоже. Ты, как я. Но, как там у вас говорят, ближе к телу».

«К делу, ближе к делу». — Лада ухохатывалась перед экраном.

«ОК. Я в хостел на улица Паустовского. Пошли гулять. Покажи мне Москва».

— Паустовского... где это? — бормотала Лада вслух, открывая «Яндекс.Карты». — Ну и ну, Алехандро. Это же Ясенево. Как тебя туда угораздило? Заблудишься же. Хотя... от меня рядом...

А сама написала:

«Это еще не Москва, там гулять не будем. Кидай геометку, я приеду, отвезу тебя в настоящую Москву».

«Жду».

Лада поспешно свернула файл со скучным переводом и выключила компьютер. Из шкафа на кровать полетели одежды: лифчики, майки, блузки, платья.

* «Вероятно, я умру, но не сейчас» (англ.) — строка из песни Мадонны, ставшей саундтреком заставки к юбилейному фильму про Джеймса Бонда «Умри, но не сейчас», 2002.

Все это примерялось, менялось, подворачивалось, снова менялось. Легкий макияж, новая укладка с акцентом на длину волос и естественность образа. И вот из серой панельки в Черемушках выпорхнула яркая девушка-весна в свободных джинсах, зеленом свитере навыпуск и розовых кедах. Гулять так гулять, кеды – идеальный вариант, чтобы показать Москву аргентинцу.

Мир был ей другом. Мир ее любил и благоволил ей. Погода стояла отличная, солнце заигрывало с завитушками ее волос, прохожие улыбались. Стоило спуститься в метро, как сразу подошел поезд, место у входа, как обычно, оказалось свободно для нее. Но на выходе в Ясенево ее вдруг толкнул дед. Из таких, что ходят в пыльном пиджаке и кепке, лицо сморщенное, наполовину заросшее щетиной, а глаза злые.

– Шла бы ты отсюда, девка, не место тебе здесь!

– Что? – опешила Лада, так грубо с ней никогда никто не разговаривал.

– Иди отседова! Домой иди! У нас тут Битцевский лес. Слыхала про маньяка?

– Его давно посадили, старый ты маразматик, – огрызнулась девушка, отвернувшись, но настроение уже испортилось.

Геометка указывала на границу с лесополосой, туда, где на карте одиноко торчали два неопознанных квадратных строения. Лада шла и невольно поживалась, сложив руки на груди, будто холодом повеяло, и она пытается согреться. Надо же, ведь сама живет недалеко от парка, с другой стороны леса, но

никогда не вспоминала его грустную историю. А старик этот, будь он неладен, взбаламутил душу, посеял зерна сомнения. Она достала телефон, напечатала в мессенджер:

«Как я тебя узнаю?»

«Я сам тебя узнаю», — тут же пиликнул ответ.

Лада огляделась вокруг. Все то же ласковое майское солнце, небо голубое безмятежное, люди гуляют... улыбаются. Вон собачники, вон мамы с колясками. Мир все так же прекрасен! Ну чего она испугалась? Лада трянула рыжей головкой и продолжила путь. До нужной отметки она дошла быстро, но нигде не обнаружила вывески, говорящей о хостеле. Рядом с лесополосой, в пятидесяти метрах от нее, стояли два полуразрушенных здания с колоннами, похожие на дворянские усадьбы. Но такие они были облезлые, жалкие, разбитые... как Киса Воробьянинов со своим «же не манж па сис жур»...^{*} только здания. В них хостела быть никак не могло.

«Ты где?» — настрочила Лада сообщение.

— Здесь! — прошелестел у самого уха вкрадчивый голос.

Лада вздрогнула от испуга и с удивлением уставилась на незнакомого ей мужчину.

— Алехандро? — пролепетала она.

* «Же не манж па сис жур» — знаменитая фраза Кисы Воробьянинова из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (транскрипция с французского), перевод: «Я не ел шесть дней...» Полный вариант: «Месье, же не манж па сис жур. Гебен зи мир битте этвас колек ауф дем штюк брод. Подайте что-нибудь бывшему депутату Государственной Думы».

— Да! Я! Я рад тебя видеть! — воскликнул он совсем без акцента.

Мужчина широко улыбнулся, сверкнув ровным рядом влажных белоснежных зубов. И вот что странно: он был божественно красив. Перед Ладой стоял совсем другой человек, не тот, что маячил на аватарке Алехандро, но такой же смазливый. Она ожидала чего угодно, но только не этого. Вся теория Лады о том, что парень стесняется своей внешности, полетела, как карточный домик. Он. Был. Красив. Но тогда зачем скрываться? Лада стояла в оцепенении, не зная, что сказать.

— Осторожно! — Алехандро обхватил ее двумя руками и сдвинул чуть в сторону и к себе.

Позади нее сдавал задним ходом микроавтобус, и Лада в своем смятении не заметила опасности. Отступив пару шагов от дороги, Лада и Алехандро пропустили машину и все так же молчали, лишь глупо улыбаясь друг другу.

Алехандро покачивался с носка на пятку и поглядывал по сторонам, словно ждал чего-то или кого-то. Но перед ними были только лес и заброшки, а позади — тот самый микроавтобус, что зачем-то влез на тротуар и отгородил их от живого мира, полного людей, собак и воробьев.

— Сим-сим, откройся, — произнес Алехандро вполголоса.

Лада обернулась на остановившийся за их спиной микроавтобус, хотела было предложить парню отойти, как вдруг дверь машины отъехала в сторону,

а ее саму внесло внутрь. Закричать она не успела, да и не пыталась. Настолько неожиданным было произошедшее, что даже испугаться не успела. А когда осознала весь ужас случившегося, ощутила на лице сырость и вонь грязной тряпки, пропитанной хлороформом. Мир погрузился в темноту.

ГЛАВА 2

СЛЕДОВАТЕЛЬ

В СЛЕДСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ на Большой Юшуньской в тихое послеобеденное время, обозначенное в графике перерывом с 13:00 до 14:00, стояла уютная, почти домашняя тишина. Дежурный у входа лениво имитировал работу, попутно высасывая из зубов остатки гуляша, сотрудники по одному или тихими парами возвращались из столовой, посетителей (заявителей, потерпевших, подозреваемых и прочих) не было. Только пьяненький мужичок, умудрившийся накидаться с утра в рабочую среду и устроить дебош в магазине, тихонечко поскуливал за решеткой обезьянника.

Молодой лейтенант, из тех, кто еще горит делом и кому больше всех надо, и тот завис сонной мухой у пыльного окна в коридоре, шурясь на весеннее солнышко за железным забором. Невысокий, юркий, крепкий, с коротко стриженными волосами и черепом идеальной формы, он в своей лейтенантской форме смотрелся скорее подрост-

ком-кадетом, чем взрослым оперуполномоченным уголовного розыска. Образ усиливали вздернутый, совсем не серьезный нос и по-детски голубые глаза в обрамлении светлых ресниц. Разве что густая светлая щетина, так заметная сейчас в прицельных солнечных софитах, выдавала в нем мужчину, а не мальчика.

— Леха-а-а, здорово! — гаркнул прямо ему в ухо сержант юстиции Миша Стариков, хлопнув огромной лапицей по плечу.

Леха (младший лейтенант Алексей Андреевич Никитин) согнулся пополам от удара, изображая боль и потерю сознания.

— Слышь, медведь, полегче... убьешь когда-нибудь. Свои же и посадят. А передачи некому носить будет, если меня не станет, — проворчал Алексей, выпрямляясь, потом подозрительно прищурился и ткнул пальцем в пачку бумаг, зажатых под мышкой у приятеля. — Это что такое?

— Да, Алешенька, да! Это заявления за вчера и сегодня. Старшая, — он сделал ударение на втором «а», — распорядилась тебе передать. Изучай, сортируй, разбирайся.

Старшая — это подполковник Иванова, старший следователь их отдела, так они между собой называли суровую начальницу. И Миша, и Алеша в следственном работали недавно, оба выпускники юридических факультетов. Только Миша — простенького рязанского вуза, а Алеша аж МГИМО окончил.